

4. Иванов, В. В. Терминология и заимствования в современном китайском языке / В. В. Иванов. – М. : Наука, 1973. – 171 с.
5. Кабакчи, В. В. Язык мой, камо грядеши? Глобализация, «глобанглизация» и межкультурная коммуникация / В. В. Кабакчи // Язык в парадигмах гуманитарного знания: XXI век. – СПб. : СПбГУЭФ, 2009. – С. 78–97.
6. Крысин, Л. П. Иноязычное слово в современной жизни / Л. П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М. : Языки русской культуры, 1996. – С. 142–161.
7. Ли Сяндун. Языковые различия и их отражение в лексической семантике китайского и русского языков / Сяндун Ли // Вопросы филологии. – М., 2003. – № 2 (14). – С. 30–34.
8. Мельникова, А. И. Изучение англицизмов в курсе «Современный русский язык» / А. И. Мельникова // Русский язык в школе. – М., 1991. – № 2. – С. 95–101.
9. Плотникова, А. М. Новые тенденции в русском лексикографическом дискурсе / А. М. Плотникова // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2014. – № 13 (19). – С. 22–29.
10. Семенас, А. Л. Особенности лексических заимствований в китайском языке / А. Л. Семенас // Вопросы языкознания. – 1997. – № 1. – С. 48–57.
11. Семенас, А. Л. Лексика китайского языка / А. Л. Семенас. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2005. – 310 с.
12. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М. : Прогресс, 1993. – 656 с.
13. 岑麒祥. 汉语外来词词典, 新华书店正版, 2015. – 450 页.
14. 刘正琰. 汉语外来词词典, 上海: 上海辞书出版社, 1984. – 422 页.

This paper reflects the results of a study of the intensive penetration of English borrowings into Chinese, discusses the problems of their assimilation, shows thematic representation in areas of usage based on an analysis of lexicographical sources, and also shows phonetic, phonetic-semantic and semantic ways of their adaptation in the Chinese language.

Keywords: Anglicism, borrowing, global language, Chinese, assimilation, lexicographical discourse, ways of adaptation.

УДК 81'37:811.161.1:811.58

А. С. ЧЕКУЛАЕВА

КОНВЕРСИЯ КАК СПОСОБ ЗНАКООБРАЗОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ ЦВЕТОЛЕКСЕМ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Анализируются особенности знакообразования цветолексем путём конверсии в антитетических языках: русском и китайском. В процессе семантической конденсации номинативной единицы с явной двухкомпонентностью происходит свертка в пользу модификатора: актуализатор полностью стирается. Конверсия рассматривается как метод знакообразования (частный случай аффиксации) новой номинативной единицы, в аспекте содержания которой имеется стереотип «цвет». Процесс адаптации конверсива к морфологической системе естественного языка можно определить как процесс знакоизменения, поскольку новый знак не образуется, а преобразуется.

Ключевые слова: конверсия, способ знакообразования, цветолексема, семантическая конденсация.

Для современного этапа развития русского и китайского языков характерно активное появление новых цветолексем. Данный факт может быть связан, с одной стороны, с диспропорцией «между огромным количеством оттенков, воспринимаемым человеческим глазом (по некоторым данным человек в состоянии различать до 5 миллионов цветовых оттенков), и имеющимися ресурсами языка для вербализации хроматического пространства» [1, с. 11]. С другой стороны, необходимо отметить стремление современного человека к «дифференциации и детализации цветовых реляций, что в свою очередь может приводить к «разделению» оттенков, «отъединению» их друг от друга» [2, с. 29].

Как правило, лингвисты отмечают, что формирование множества цветолексем происходит либо путём заимствования из других языков, либо путём создания новых номинативных единиц, в аспекте содержания которых имеется стереотип «цвет», «согласно имманентным законам языка», отмечая, что более «продуктивным является второй путь» [1, с. 11].

Носитель языка из всего многообразия окружающих его реалий выбирает определенное явление или предмет в качестве эталона цвета и называет его «цвет эталона». Названия предметов, объектов, явлений с характерной окраской служат для носителя языка определенным образцом для наименова-

ния той или иной окраски. Поиск эталонов цвета происходит постоянно. Именно современное развитие производства и появление множества предметов и объектов с определенными характерными для арсенала цветолексем. На данном этапе функционирования языка образование названия цвета от эталона-стереотипа, обладающего этим цветом, можно назвать наиболее продуктивным способом знакообразования. Так, В. Г. Кульпина отмечает, что «большие возможности для цветового творчества, порождения новых цветообозначений содержатся в конструкциях «цвета + ...», при этом далее следует прототипический объект. Такие конструкции заполняют многие лакуны, имеющиеся в системе цветообозначения и нередко служат эстетизации выражаемых цветовых реляций, ср. цвета мокрого асфальта, цвета крепкого чая» [3, с. 128–129].

Данный способ образования номинативных единиц со значением цвета был определен нами, как внешний способ, или как результат взаимодействия структурно-семантического ядра предметной области «цвет»¹³ (актуализатора *цвет* (в русском языке) или 色 «цвет» (в китайском языке)) с другими предметными областями¹⁴. Элементы других предметных областей, участвующие в образовании новой номинативной единицы, обозначают цвет эталона, произвольно выбранного наблюдателем, причем, «давая имена цветовым оттенкам по аналогии с соответствующим предметом, человек в первую очередь привлекает те из них, которые чаще попадают на глаза, лучше ему известны» [7, с. 131]. Таким образом, возникает модель «цвета ...», например, «цвета розы», а также её разновидности: цветовые знакосочетания типа «цвета алой розы», «цвета розы в пыли». Образованные языковые единицы обозначают не объекты действительности, а свойственные им цветовые характеристики. На данном этапе, как первом этапе явной двухкомпонентности¹⁵, цветолексема представляет собой языковую единицу, в которой актуализатор *цвет* и модификатор *роза* не подверглись семантической конденсации¹⁶. В китайском языке примером может служить номинативная единица 玫瑰花色 «цвет розы» (при этом, в китайском языке к знаку, передающему прототип-эталон соответствующего цвета, обязательно должен добавляться актуализатор предметной области «цвет» – лексема 色 «цвет» во избежание некорректной трактовки). Необходимо также заметить, что модификатором может выступать не только исключительно элемент других предметных областей, но и сочетание элементов предметной области «цвет» с элементами других предметных областей: например, «алой розы»¹⁷.

Некоторые образованные по вышеуказанной модели знакосочетания обладают значимым свойством: их репродуктивность в языке носит длительный и устойчивый характер. Далее в процессе адаптации номинативной единицы к системе естественного языка происходит последовательная свертка (семантическая конденсация) образующих ее компонентов – актуализатора (интегрального компонента «цвет») и модификатора (дифференциального компонента «эталон») в пользу модификатора. Вместо первоначального знакосочетания «цвета молока», «цвета пепла», «цвета сирени» появляются лексические единицы с унарной формой *молочный*, *пепельный*, *сиреневый*. То есть происходит второй этап свернутой двухкомпонентности – от сложной конструкции к свернутой языковой единице. Некоторые языковые знаки постепенно утрачивают изначальную этимологическую связь с эталоном и начинают восприниматься как абстрактные лексемы, прошедшие семантическую конденсацию. На этапе двухкомпонентности языкового знака реконструируется при первичном этимологическом анализе или обращении к иностранным языкам, если знак был заимствован. Например, в русском языке – цветолексема *бордовый*: бинарная структура восстанавливается при

¹³Под *предметной областью* мы понимаем нечеткое множество (в терминологии Л. Заде [4, с. 32–33]) однородных индивидов (предметов) и их однородных признаков (свойств и процессов, в которых участвуют индивиды); в лингвистике предметная область – нечеткое множество однородных знаков, модификаторы которого определяют актуализатор, являющийся семантическим ядром всей области. *Индивид* – «разновидность стереотипа как отдельной сущности в выделенном фрагменте модели мира»; *признак индивида* – «разновидность стереотипа как свойства отдельной сущности в выделенном фрагменте модели мира или процесса (акции), в котором эта сущность участвует» [5, с. 226].

¹⁴Подробнее см. статью автора «Способы образования цветолексем в русском и китайском языках» [6].

¹⁵Подробнее см. статью автора «К вопросу о двухкомпонентности языковой единицы (на примере цветолексем китайского языка)» [8].

¹⁶Термин А. В. Исаченко [9, с. 340].

¹⁷В данном случае можно говорить о смешанном способе знакообразования [6, с. 39].

метаязыковым определении через обращение к иностранному языку, породившему данный знак [10, т. I, с. 193], *коричневый*: двухкомпонентность восстанавливается при помощи этимологического словаря [10, т. II, с. 328].

В процессе достаточно долгого употребления рождается новая цветолексема, которая прошла все этапы семантической конденсации и окончательную адаптацию к лексической системе естественного языка, и на данном синхроническом отрезке времени воспринимается носителями языка как исконная языковая единица. Чем выше степень репродуктивности развернутых¹⁸ цветолексем, тем быстрее переходят в разряд унарных свернутых частей языка.

Тем не менее, имеются цветолексе́мы, которые ввиду либо своей новизны, либо излишней сложности, либо невысокой степени репродуктивности, не имеют унарной свернутой формы. Так знакосочетание «цвет морской волны» не имеет формы «морсково́лновый», «цвета мха» – «миши́стый», «цвет мокрого асфальта» – «мокроасфальтны́й».

Однако можно наблюдать цветолексе́мы, в которых на определенном этапе функционирования в речи происходит не свертка актуализатора «цвет», а полное его стирание. Это цветолексе́мы, образованные способом *конверсии*¹⁹.

При исследовании структурного аспекта цветолексем в китайском и русском языках нам удалось установить следующие их знакообразовательные типы: 1) унарные свернутые цветолексе́мы (сокращенные и сжатые), отличительной особенностью которых является наличие унарной корневой морфемы, такие как *розовый*; 2) цветолексе́мы-компози́ты, к которым относятся развернутые сложные знаки с п-арной корневой морфемой, такие как *бело-розовый* в русском языке; 紫红 «фиолетово-красный» в китайском языке; 3) цветовые знакосочетания, представляющие собой развернутые составные номинативные единицы с явной двухкомпонентностью, образованные внешним или смешанным способом, такие, как *цвет белой розы*.

В группе унарных цветолексем нами были выделены не только свернутые производные цветолексе́мы (в русском языке: *синий*, *васильковый*; в китайском языке: 黄 «желтый», 朱 «бордовый»), но также свернутые конверсивы.

В современной лингвистике конверсия определяется, как «способ словообразования без использования специальных словообразовательных аффиксов; разновидность транспозиции, при которой переход слова из одной части речи в другую происходит так, что назывная форма слова одной части речи (или его основа) используется без всякого материального изменения в качестве представителя другой части речи» [13, с. 235]. Принято считать, что состав цветолексем может пополняться за счет конверсии, как разновидности транспозиции, в основном, за счет адъективации имен существительных. В русском языке конверсия как способ знакообразования наблюдается достаточно редко, как правило, для заимствованных цветолексем, типа «хаки» от «цвета хаки», из языков, в которых данный способ достаточно применим. На наш взгляд, данное широко распространенное толкование конверсии, как образования прилагательных цвета от имён существительных путём транспозиции, нецелесообразно применять к тем языкам, особенность которых состоит в относительном или полном отсутствии показателей дифференциации частей речи.

Тем не менее, «в связи с тем, что в китайском языке отсутствует словоизменение, а в словообразовании доминирует корнесложение, синтаксический (функция члена предложения) и семантический (неконверсивность) признаки являются основными критериями разграничения частей речи» [14, с. 35]. Однако ограниченность данных признаков приводит к противоречивости применения греко-латинской системы частей речи относительно китайского языка: один и тот же знак, например,

¹⁸Подробнее о парадигме частей языка изложено в статье А. Н. Гордея «О комбинаторике числовых знаков в китайском языке» [11, с. 12]. *Части языка* – «подмножества языковой системы, элементами которых являются знаки с общим предельно абстрактным значением» [5, с. 227]. Части языка делятся на два вида: *тайген* – «часть языка, обозначающая индивид, например: 'стол', 'восемь', 'мы'»; *ёген* – «часть языка, обозначающая признак индивида, например: 'бежать', 'коричневый', 'смело'» [5, с. 227]. Цветолексе́мы, как части языка обозначающие постоянный признак индивида, относятся к ёгенам.

¹⁹Конверсия – «вырожденный случай аффиксации, когда определяемый компонент знака полностью стерт, что влечет сохранение морфологического форманта у определяющего» [12, с. 43]. «Вопрос о разграничении свободных слов и словосочетаний в китайском языке не принципиальный, главным является разграничение свободных и устойчивых словосочетаний (номинативных единиц). Отличаются номинативные единицы от свободных сочетаний воспроизводимостью в языковой системе (репродуктивностью)» [12, с. 50].

может выступать как в роли глагола, так и в роли существительного. Таким образом, теория частей речи теряет свою универсальность, если объектом исследования выступает язык, лишенный морфо-функции. «Частями речи называются слова, выделяемые в некоторые классы по форме, значению и определению, то можно сказать, что в китайском языке части речи отсутствуют, так как в нем нет ни склонения существительных, ни спряжения глаголов и т. п.» [15, с. 37–38].

Соответственно, наиболее целесообразным является рассмотрение конверсии, не как метода транспозиции из одной части языка в другую, а как метод порождения языковой единицы²⁰, при котором в двухкомпонентной номинативной единице актуализатор не сворачивается, а полностью стирается. Стертый актуализатор, как правило, проявляется при реконструкции²¹ двухкомпонентной структуры цветолексем-конверсивов: например, вышеупомянутая цветолексема русского языка *хаки* представляет собой свертку номинативной единицы *цвет хаки*, в которой *цвет* играет роль актуализатора, *хаки* – роль модификатора.

В китайском языке конверсия, как способ знакообразования цветолексем более развит, по сравнению со знакообразовательными возможностями русского языка: *棕色* «цвет пальмового волокна» → *棕* «коричневый». В китайском языке, как правило, цветолексемы-конверсивы представляют собой обозначения предметов-эталонов и одновременно соответствующих цветов: *橙* «апельсин» и «оранжевый»; *棕* «пальмовое дерево» и «коричневый». В двухкомпонентной структуре цветолексем подобного рода наблюдается полная свертка актуализатора *цвет* (т. н. «стертый» актуализатор).

В русском языке ввиду особенностей морфологической организации унарные цветолексемы-конверсивы могут пополняться путём заимствования из других языков, например, английского, для которых данный тип знакообразования более характерен. Соответственно, в системе русского языка унарные конверсивы, как правило, относятся к неадаптированным к морфологической системе заимствованиям: *хаки*, *индиго*, *маренго*.

Следует отметить, что в результате длительного функционирования в языке конверсивы-заимствования могут пройти путь адаптации и образовать адаптированные цветолексемы, что является результатом последовательного знакоизменения. Так от франц. *bordeaux* – «цвета вина бордо», заимствованный конверсив «бордо» трансформировался в адаптированный унарный знак «бордовый» путем восстановления аффикса [10, т. I, с. 193].

Новый адаптированный или преобразованный языковой знак может сосуществовать наряду с исходным знаком, а также полностью или частично вытеснить исходный, который продолжает функционировать в языке в условиях ограниченной комбинаторики. Так, цветолексемы «беж» и «бежевый» находят примерно одинаковое применение: *чулки цвета беж*, *платье бежевого цвета*; однако в словарной статье в словаре цветолексема «беж» трактуется как «то же, что бежевый» и стоит на втором месте [19, т. I, с. 320]. Иногда аналогичный знак, прошедший адаптацию, находит меньшее применение, чем исходный конверсив: например, в русском языке «индиго» и «индиго-вый» «(из исп. *indigo*, восх. к лат. *Indicus* «индийский» (название связано с тем, что первоначально этот краситель добывался из растений, распространённых в Индии)», что также находит отражение в словарной статье [20, с. 299].

В процессе семантической конденсации номинативной единицы с явной двухкомпонентностью происходит свертка в пользу модификатора: актуализатор полностью стирается (*цвет хаки* – *хаки*). Таким образом, мы можем рассматривать конверсию как метод знакообразования (частный случай аффиксации) новой номинативной единицы, в аспекте содержания которой имеется стереотип «цвет». При этом, процесс адаптации конверсива к морфологической системе естественного языка (на примере русского языка: *бордо* – *бордовый*) можно определить, как процесс знакоизменения, поскольку новый знак не образуется, а преобразуется.

²⁰ В процессе свертки двухкомпонентной единицы в однокомпонентную происходит два типа преобразований: 1) в пользу модификатора с сохранением корня модификатора, причем модифицируемый элемент преобразуется в суффикс (*старый человек* > *старик*); 2) в пользу модифицируемого элемента с сохранением корня модифицируемого элемента, причем модификатор преобразуется в суффикс (*маленький стол* > *столик*) [16, с. 130–134]. Первый тип называют словообразованием, второй – словоизменением [17].

²¹ Если стертый актуализатор не поддается реконструкции, то речь уже будет идти о расщеплении глоттонического ядра (см. [18]).

1. Тяпкина, Т. М. Вторично-номинативные функции цветообозначений в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Т. М. Тяпкина ; Нижегородский гос. ун-т им. Н. А. Добролюбова. – Иваново, 2002. – 19 с.
2. Кульпина, В. Г. Факторы динамизации эволюционных процессов в русской и польской цветономинании / В. Г. Кульпина // Проблемы цвета в этнолингвистике, истории и психологии : материалы круглого стола / Ин-т языкознания РАН ; отв. ред. А. Н. Василевич. – М., 2004. – С. 29–32.
3. Кульпина, В. Г. Система цветообозначений русского языка в историческом освещении / В. Г. Кульпина // Наименования цвета в индоевропейских языках. Системный и исторический анализ. – М. : КомКнига, 2007. – С. 126–184.
4. Заде, Л. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений / Л. Заде. – М. : Мир, 1976. – 166 с.
5. Гордей, А. Н. Лингвистическая пропедевтика / А. Н. Гордей // Беларусь в современном мире : материалы IV респ. науч. конф., Минск, 28 сентября 2005 г. / РИВШ ; редкол.: А. В. Шарапо [и др.]. – Минск, 2005. – С. 226–229.
6. Чекулаева, А. С. Способы образования цветолексем в русском и китайском языках / А. С. Чекулаева // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1, Филология. – 2017. – № 5 (90). – С. 33–41.
7. Василевич, А. П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте: на материале цветообозначения в языках разных систем / А. П. Василевич ; АН СССР. Ин-т языкознания ; отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Наука, 1987. – 140 с.
8. Чекулаева, А. С. К вопросу о двухкомпонентности языковой единицы (на примере цветолексем китайского языка) / А. С. Чекулаева // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1, Филология. – 2016. – № 5 (84). – С. 31–39.
9. Исаченко, А. В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков / А. В. Исаченко // Slavia. – Praha, 1958. – Roč. XXVI. – Seš. 3. – С. 334–352.
10. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1986–1987. – 4 т.
11. Гордей, А. Н. О комбинаторике числовых знаков в китайском языке / А. Н. Гордей // Научные чтения, посвященные В. В. Мартынову : сб. науч. тр. / РИВШ. – Минск, 2015. – Вып. 2. – С. 12–14.
12. Гордей, А. Н. Типологические аспекты словообразования / А. Н. Гордей, К. Сунь // Пути Поднебесной : сб. науч. тр. / РИВШ. – Минск, 2011. – Вып. 2. – С. 40–53.
13. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 235 с.
14. Гордей, А. Н. Принципы исчисления семантики предметных областей / А. Н. Гордей. – Минск : БГУ, 1998. – 156 с.
15. Ван Л. Части речи / Л. Ван // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1989. – Вып. XXII. Языкознание в Китае. – С. 37–53.
16. Мартынов, В. В. Категории языка. Семиологический аспект / В. В. Мартынов. – М. : Наука, 1982. – 192 с.
17. Гордей, А. Н. Теоретическая грамматика восточных языков : лекционный курс [Электронный ресурс] / А. Н. Гордей. – Электронн. данн. – Минск, 2007. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
18. Гордей, А. Н. Динамический синтаксис в семантическом представлении / А. Н. Гордей // Иностранные языки в высшей школе. – 2017. – № 4 (43). – С. 26–34.
19. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / редкол.: В.И. Чернышев (гл. ред.) [и др.]. – М.–Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1950–1965. – 17 т.
20. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка имени В. В. Виноградова ; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Издательский центр «Азбуковник», 2011. – 1175 с.

The author analyses the formation of color lexemes by means of conversion in antithetical languages: Russian and Chinese. In the process of semantic condensation of a nominative unit with an explicit two-component structure, a convolution in favor of the modifier occurs: the actualizer is completely erased. Conversion is considered to be a method of signification (a special case of affixation) of a new nominative unit, in the aspect of its content where there is a stereotyped type of "color". The process of the conversion adaptation to the morphological system of a natural language can be defined as a process of sign change, since a new sign is not formed, but is transformed.

Keywords: conversion, way of character formation, color lexeme, semantic condensation.